

ЗАЩИТА ЖЕРТВ ОТ ЗАДЕРЖЕК МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

PROTECTING VICTIMS FROM DELAYS IN INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE: MYTH OR REALITY?

O. Manzanga

Summary. The article deals with the protection of victims from delays in international criminal justice. It is noted that the protection of victims of mass crimes is currently one of the goals of international criminal justice. It was revealed that for some time the victims had almost all the rights necessary to protect their interests and receive compensation for damage. It is noted that this development of events is positive, since the victims suffer, first of all, from the cruelty of crimes. It is revealed that this rule has a number of shortcomings: on the one hand, we are talking about an exception to which victims are subject to a reasonable time in international criminal proceedings, and, on the other hand, about the flexibility of the right to prompt compensation for damages. The study showed that, in all cases, victims of international crimes are effectively not protected from international criminal justice delays, with the main consequence of prolonging their enormous suffering.

Keywords: victim, international crimes, reasonable time, international criminal justice, delays, right to prompt reparation, insufficient protection.

Манзанга Овид Кпанья

*Аспирант, Казанский федеральный университет
ovidemanzanga@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается защита жертв от задержек международного уголовного правосудия. Отмечено, что защита жертв массовых преступлений в настоящее время является одной из целей международного уголовного правосудия. Выявлено, что в течение некоторого времени жертвы имели почти все права, необходимые для защиты своих интересов и получения возмещения ущерба. Отмечено, что такое развитие событий является позитивным, поскольку жертвы страдают, в первую очередь, от жестокости преступлений. Выявлено, что данная норма имеет ряд недостатков: с одной стороны, речь идет об исключении, которому жертвы подлежат в сфере разумного срока международного уголовного процесса, и, с другой стороны, о гибкости права на незамедлительное возмещение ущерба. Исследование показало, что во всех случаях жертвы международных преступлений фактически не защищены от задержек международного уголовного правосудия, что имеет главное последствие затягивания их огромных страданий.

Ключевые слова: жертва, международные преступления, разумный срок, международное уголовное правосудие, задержки, право на незамедлительное возмещение, недостаточная защита.

Введение

Международное уголовное правосудие с момента создания МУС отличается постоянством также, как и национальное уголовное правосудие, подразумевающее новую парадигму урегулирования конфликтов международного масштаба в рамках учета прав человека, нарушаемых в процессе уголовных преступлений массового характера. К числу прав относится право на разумный срок, которое, как правило, закреплено у всех участников судебного разбирательства, включая потерпевшего. Стоит отметить, что «интерес своевременного разрешения уголовно-правового конфликта является обоюдоострым для государства и в равной степени для потерпевшего от преступления и лица, его совершившего» [3]. Однако, что касается международного уголовного права, то его толкование представляется совершенно иным, поскольку все учредительные акты международных уголовных судов также предусматривают указанную норму, но, исключая жертв массовых преступлений. Контрасти-

рует ли данная ситуация с эволюцией прав человека в международном праве, в частности, прав жертв?

Действительно, положение жертв серьезных преступлений с тех пор стало предметом серьезной озабоченности со стороны органов международного права, гарантом которого выступает международное уголовное правосудие. Интерес к изучению данной темы очевиден, особенно во время разработки Римского статута Международного уголовного суда, предпосылкой разработки которого послужило то, что «за последнее столетие миллионы детей, женщин и мужчин стали жертвами немыслимых злодеяний, глубоко потрясших человечество» [21]. В отличие от других предыдущих юрисдикций, Римский статут в статье 68 предоставляет жертвам значительные права в международном уголовном судопроизводстве.

Эволюция вопроса о признании прав жертв в уголовном процессе фактически приводит к формированию новых идей о выгоде, которую они могут извлечь

из данного процесса. Потерпевшим недостаточно присутствовать в процессе, самый большой вопрос заключается в возмещении ущерба. Но этот вопрос теперь связан с периодом времени, в течение которого должно быть принято решение о возмещении. В 2005 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию об «основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба жертвам грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права», в которой подчеркивается право жертв на правовую защиту, что подразумевает, в частности, быстрое возмещение ущерба. Возникает вопрос, является ли такая формулировка защитой от задержек международного уголовного правосудия (1) и утверждает ли право жертв на разумный срок рассмотрения дела (2)?

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы представить анализ прав жертв на защиту от задержек в международном уголовном правосудии. Для достижения ожидаемых результатов в дополнение к толкованию правовых текстов и судебных решений были использованы два взаимодополняющих подхода. С одной стороны, системный подход к рассмотрению понятия задержки как неотъемлемого аспекта системы международного уголовного правосудия и, с другой стороны, ретроспективный подход, прослеживающий эволюцию прав жертв в международном уголовном процессе с целью точного определения масштабов и случаев их применения.

1. Право на незамедлительное возмещение причиненного ущерба: неприменимая прерогатива в отсутствие компетентного суда или возбуждения разбирательства на международном уровне

Что касается права на незамедлительное возмещение, то речь идет непосредственно о праве добиваться возмещения в соответствующем органе, включая судебные органы. Под средством правовой защиты понимается здесь в узком смысле как тот факт, что потерпевший обращается в суд с целью восстановления своего (субъективного) права, нарушенного фактом совершения преступления. В связи с этим международное право обеспечивает прочную правовую основу в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, которая гарантирует каждому право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав [4]. То же самое относится к Международному пакту о гражданских и политических правах [14], Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [13], Конвенции против пыток [9], Конвенции о правах

ребенка, Гагской конвенции 1907 года и Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов [5]. К этим текстам следует также добавить соответствующие положения региональных европейских [8], африканских [2] и американских [1] текстов.

Гарантия средств правовой защиты в случае нарушения основных прав жертв преступлений является в то же время правом конституционной ценности, о котором лицо, предоставляющее право, без колебаний четко заявляет [10; 11], с тем чтобы ни законодатель, ни судья, не говоря уже об исполнительной власти, не отступали от него в рамках своих соответствующих полномочий. С этой точки зрения нельзя исключать нарушения международного права в области прав человека и международного гуманитарного права. Иными словами, речь идет не только о нарушениях национального законодательства, но и судебных органов международного правосудия.

Генеральной Ассамблеей была добавлена резолюция 60/147 от 16 декабря 2005 года, в которой излагаются основные принципы и положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба жертвам нарушений международного права человека и международного гуманитарного права. Его цель состоит в том, чтобы напомнить государству о его обязанности уважать, обеспечивать уважение и применять международное право в области прав человека и международного гуманитарного права, включая право на компенсацию за ущерб [29].

Четко напоминая об этом обязательстве, резолюция подчеркивает противоречие в осуществлении права на защиту в случае международных преступлений. Компенсация за причиненный ущерб должна быть *не только адекватной, эффективной, но и быстрой*. Цель состоит в том, чтобы восстановить быстро права жертв [20], нарушенные в результате совершения преступления. Продолжительность рассмотрения дела становится незаменимым фактором для реализации этого права. Под скоростью понимается способность быстрой судебной реакции, которая может позволить пострадавшему получить компенсацию.

Таким образом, в тех случаях, когда быстрое возмещение ущерба не осуществляется, можно установить ответственность государства на следующих основаниях: отсутствие надлежащих законодательных и административных мер, непроведение быстрого расследования, отсутствие механизма, позволяющего жертвам получить возмещение. Однако ответственность не может лежать только на государстве [7], поскольку «доступ к адекватным, эффективным и быстрым средствам

правовой защиты при грубых нарушениях международных норм в области прав человека или серьезных нарушениях международного гуманитарного права должно включать использование всех имеющихся и надлежащих международных процедур, в рамках которых заинтересованное лицо может иметь правосубъектность...» [20].

Проблема в том, что на международном уровне длительность рассмотрения дела является существенной. Если говорить конкретно о судебных механизмах, то трудности в скорости рассмотрения дела придется решать в зависимости от того, является ли МУС постоянным судом в отличие от других специальных судов, характеризующихся временным характером их миссии. Такое разграничение породило бы две основные трудности: с одной стороны, обязательство возбуждать международное уголовное разбирательство в рамках механизма, предусмотренного Римским статутом, и, с другой стороны, необходимость создания и учреждения специального (международного) суда в том случае, если МУС некомпетентен и не рассматривается Советом Безопасности.

В первом случае необходимо начать с признания того, что система суда в значительной степени способствует применению данной меры, поскольку в соответствии со статьей 42.1 Римского статута можно передать дело в Канцелярию Прокурора посредством обоснований, которые могут позволить Прокурору начать расследование в суде. Такое постоянство Суда открывает возможности для быстрого возмещения ущерба, а именно доступ к правосудию, поскольку, передавая дело в Канцелярию Прокурора, жертвы уже могут обеспечить учет их мнений и интересов. Однако такая уверенность на быстрое возмещение ущерба ставится под сомнение двумя факторами.

Во-первых, получая просьбы потерпевших, Канцелярия Прокурора *ipso facto* не передает их в Суд, поскольку надо рассматривать их скрупулезно и методично. Чтобы прийти к решению о преследовании, Канцелярия Прокурора проверяет серьезность информации, доведенной до его сведения, и может решить использовать другие источники информации для выяснения сведений. Целью такого подхода является установление разумной основы, которая будет обосновывать уголовное преследование перед судом. Статья 53 Статута предусматривает элементы, которые будут определять уголовное преследование, а именно: юрисдикцию Суда; приемлемость дела в соответствии со статьей 17 Римского статута; интересы правосудия.

Таковы правовые критерии, установленные учредительными актами Суда, однако Канцелярия Прокурора

остаётся единственным компетентным органом для оценки целесообразности судебного преследования. Таким образом, при отборе дел также применяется критерии отбора, основанные на «тяжести фактов, степени ответственности и обвинениях, которые могут быть предъявлены предполагаемым преступникам» [16]. Все эти критерии применяются к этапу предварительного расследования, проводимому Канцелярией Обвинителя после «процедуры проверки, состоящей из четырех этапов» [17], ведущих к принятию решения об окончательном начале расследования.

Проблема заключается в том, что до сих пор вопрос о незамедлительном или быстром возмещении ущерба жертвам преступлений остаётся нерешённым ввиду отсутствия возмещения ущерба до принятия прокурором решения о возбуждении судебного преследования. Единственной обязанностью Прокурора является принятие мер защиты жертв на этапе расследования. В любом случае до тех пор, пока Прокурор не примет решения о передаче дела в Суд, предварительное рассмотрение дела остаётся задачей принятия решения о начале судебного расследования.

Практика предварительного рассмотрения дела после вступления в силу Римского статута показывает, что для завершения данного этапа потребуется несколько лет. Ещё одно очень важное уточнение заключается в отсутствии каких-либо ограничений на продолжительность этого этапа. Прокурор не связан никакими обязательствами в отношении предельного срока [28] или обязательствами по продолжительности рассмотрения, которые проявляются скорее на этапе расследования. Поэтому юридически Прокурор не может подвергаться какому-либо давлению со стороны потерпевших, государства или Совета Безопасности и Суда.

Во-вторых, независимо от постоянства МУС, нельзя упускать из виду тот факт, что он является договорным трибуналом. Иными словами, его функционирование, особенно возбуждение расследования, зависит от практически косвенного отношения соответствующего государства. Это фактически создаёт реальную проблему реактивности Суда, особенно с учётом того, что необходимо будет обеспечить всестороннее сотрудничество государства, часто на территории которого должно проводиться расследование. Однако в данной сфере расходятся как политические интересы, очевидны препятствия в процессе возбуждения уголовного преследования. Следствием этого является то, что на протяжении всего периода оценки тяжести преступления право на незамедлительное возмещение ущерба жертвам де-факто полностью игнорируется. Само собой разумеется, что эта реальность требует временных затрат.

Во втором случае пределы юрисдикции МУС имеют катастрофические последствия для права жертв на незамедлительное возмещение ущерба. Нужно сказать, что в отсутствие компетентного суда компенсацию ущерба придется искать в другом месте, а не в суде. Но все же основной проблемой, с которой сталкиваются жертвы преступлений, очень часто является отсутствие судебного преследования или соответствующего судебного механизма на национальном или региональном уровне. Именно в таком контексте навязывается идея использования международного механизма в качестве крайней меры, вторичной или дополнительной. Иными словами, необходимым является создание специального суда. С этой целью возникает еще одна серьезная проблема, которая заключается в том, что процесс, ведущий к созданию специального суда, чреват неопределенностью, не способной к эффективной реализации права на незамедлительное возмещение ущерба, поскольку данный процесс сам по себе не является быстрым.

Например, жертвы таких нарушений, совершенные в ДРК до вступления в силу Римского статута или нарушения, совершенные в Гвинее Конакри 28 сентября 2009 года, уже несколько лет ожидают создания адекватного механизма, который мог бы учитывать их интересы. Поэтому очевидно, что время, затрачиваемое с момента совершения преступления по сей день, делает бессмысленным право на незамедлительное возмещение ущерба и относится к экзистенциальным вопросам системы правосудия. Более того, в отличие от МУС, право на быстрое возмещение ущерба не предусмотрено в связи с тем, что сначала придется бороться за доступ к правосудию, но это правосудие все еще носит гипотетический характер.

Логическим следствием во всех случаях является то, что право на незамедлительное возмещение ущерба представляется несовместимым с нынешней системой международного уголовного правосудия. Между медлительностью в процессе возбуждения уголовного преследования (МУС) и отсутствием компетентного суда (специальный суд) скорость как центральный элемент этой системы исчезает. Как указано в резолюции 2005 года, скорость рассмотрения дела должна также включать продолжительность времени, необходимой для расследования предполагаемых нарушений, ведущих к возмещению ущерба (раздел II).

Наконец, следует отметить, что подобная ситуация создает парадоксальную проблему, поскольку речь идет о самых тяжких преступлениях, известных всем. Развитие новых информационных технологий не может допустить никакого оправдания незнанию данных фактов. Серьезные нарушения прав человека, совер-

шаемые во всем мире, широко известны и в большинстве случаев содержатся в официальных докладах. К сожалению, если эти жертвы не получают быстрого возмещения ущерба на национальном уровне, международное уголовное правосудие также отличается своей классической неэффективностью, особенно в том, что касается продолжительности его реагирования. При этом право на незамедлительное возмещение ущерба, которое закреплено в резолюции, не является обязательным, значит представляется недостаточным или неэффективным для защиты жертв от задержек в рассмотрении дел. Хуже всего-то, что, когда им так или иначе удается получить доступ к международному правосудию и участвовать в судебном процессе, жертвам как гражданским участникам международного уголовного процесса, потребуется время и терпение, чтобы дождаться окончательного решения судьи, при этом не имея возможности требовать, чтобы процесс проходил быстро.

2. Жертвы, лишённые права на разумный срок в ходе судебного разбирательства

Что касается права на разумный срок судебного разбирательства, то не вызывает больше опасений необходимость создания специального трибунала с целью возбуждения международного уголовного преследования. Необходимым является исключить период, отведенный на предварительное рассмотрение, которое не предусматривает проведения судебного разбирательства, поскольку оно не только не подлежит какому-либо сроку, но также означает, что судебные органы еще официально не приняли решения о расследовании, преследовании. Это позволяет утверждать, что разумный срок является исключительно процедурной нормой, цель которой состоит в недопущении того, чтобы процедура заняла слишком много времени или была слишком быстрой. Это временный аспект концепции справедливого судебного разбирательства, который представляет собой вопрос по существу с учетом многочисленных последствий как для прав сторон, так и для самой процедуры.

Проблема заключается в том, что в международном уголовном процессе жертвы, независимо от того, присутствуют ли в суде, лишены права на разумный срок. Это утверждение вытекает из буквального толкования учредительных актов международных уголовных судов, согласно которым, в праве быть судимыми без чрезмерной задержки [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27] *ipso jure* исключают потерпевших из сферы действия данной нормы. Стоит отметить, что во всех системах уголовного правосудия судят именно обвиняемого, а жертва пользуется скорее защитой и имеет право отстаивать свои гражданские интересы либо в едином контексте

уголовного процесса, либо отдельно перед гражданским судом. Следовательно, право быть судимым без неоправданной задержки ни при каких обстоятельствах не может включать интересы жертв. Кроме того, содержание данной нормы в этих учредительных актах прекрасно иллюстрирует, что это исключительное право обвиняемого.

Тем не менее потерпевшие, которые не могут на любой стадии разбирательства ссылаться на эту прерогативу, должны смириться с проверкой продолжительности судебного разбирательства. Это серьезное влияние, когда надо уточнить, что они уже пережили несколько лет до начала этого процесса, в котором участвуют. Поэтому стоит отметить, что лица, которые пострадали, с одной стороны, от преступных деяний обвиняемого, а с другой стороны, от запоздалости судебной системы, продолжают больше страдать от продолжительности судебного разбирательства, не имея права повлиять на рассмотрение дела в разумный срок. Очевидно, что составители международных актов, включая Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., который являлся основой учредительных актов международных уголовных судов, больше озабочены продолжительностью судебного разбирательства в отношении обвиняемого, чем интересами потерпевших.

Однако практика четко демонстрируя уязвимость жертв преступлений перед судебными задержками по сравнению с обвиняемыми. В то время как обвиняемый стремится избежать правосудия на протяжении всего периода рассмотрения дела, жертва стремится увидеть начало судебного разбирательства. В то время как обвиняемый в ходе судебного разбирательства направляет просьбы о приостановлении разбирательства, последствия задержки которых неоспоримы, жертва лишь пассивно ожидает результата.

В последнем случае дело прокурора против Лорана Гбагбо, правового представителя потерпевших, указывает на то, что «принятая обвиняемым стратегия увеличения числа просьб об отсрочке слушаний и разрешении на подачу апелляции, вероятно, нарушит его собственное основополагающее право быть судимым без неоправданной задержки» [18]. Однако благодаря общему смыслу ответа, направленного представителем потерпевших, можно заметить обеспокоенность потерпевших, увидев, что дело, все еще находящееся на стадии предъявления обвинений, затягивается из-за поведения обвиняемого. Не имея прямой ссылки на право провести судебное разбирательство в разумный срок, потерпевшие в этом ответе пытались опираться на понятие «целостность процедуры», спектр которого шире, чем «справедливость процедуры». Представитель потерпевших в этом ответе, что хотя концепция *процес-*

суальной справедливости, как представляется, связана с этой конфронтацией между правами обвиняемого и нормативными полномочиями правосудия, концепция процессуальной целостности призвана защитить основные ценности, на основе которых была создана система уголовного правосудия [18]. Поэтому защита потерпевших является одной из основных проблем, которые обусловили необходимость создания данного суда, и игнорирование их интересов, несомненно, может подорвать целостность всей процедуры, то есть сделать ее бессмысленной. Однако такое обязательство представляется бессмысленным в отношении продолжительности судебного разбирательства, которое, помимо этого, зависит от интересов сторон, в частности, интересов обвиняемого или прокурора. Если обвиняемый будет ссылаться на право быть судимым без неоправданной задержки, жертва ничего не сможет предпринять, поскольку не имеет возможности заявить о нарушении его права на разумный срок. Например, потерпевшая сторона не может говорить о том, что в связи с прекращением столь длительного процесса требовать компенсацию, как это явно сделал бы обвиняемый. Поэтому в этом вопросе нет равенства перед законом между потерпевшим и обвиняемым, как это имеет место, например, в российском уголовном процессе [6]. В данных условиях жертва обречена на пассивность с непредсказуемыми последствиями.

В действительности же длительное разбирательство оставляет за собой риск прекращения, особенно в случае смерти обвиняемого. В этом случае становится понятным, что жертва, которая порой долго ждала этого момента, в конечном итоге не узнает истины о криминальных фактах, причинивших ему вред. Установление истины является самой целью участия потерпевших в уголовном процессе, что связано с их правом на доступ к правосудию. Межамериканский суд по правам человека, пытаясь установить нарушение разумного срока, отмечает прежде всего неотделимость этой нормы от концепции справедливого судебного разбирательства, разрушая барьеры формального противостояния между обвиняемым и прокурором в уголовном процессе.

В своем решении, вынесенном 1 марта 2005 года на основании заявления, поданного 14 июня 2003 года Межамериканской комиссией по правам человека против государства Сальвадора, Суд постановил, что право на доступ к правосудию и установлению истины также гарантируется жертве или его родственникам и что виновные будут наказаны в разумный срок [12]. Спустя семь лет после того, как дело было передано в сальвадорские суды без какого-либо решения по существу или идентификации преступников, Суд пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 8 Конвенции.

Таким образом, в системе, гарантирующей потерпевшему право на разумный срок судебного разбирательства, жертва имеет право ссылаться, как и обвиняемый, на нарушение этого права всякий раз, когда его интересам противоречит непрерывность судебного разбирательства. Однако интерес потерпевшего должен соблюдаться только в данном контексте, поскольку результат разбирательства может противоречить их ожиданиям и праву установить истину в разумный срок или право на оперативное рассмотрение дела. В МУС по делу прокурор против Бембы потерпевшие, которые ждали разбирательства в течение почти 12 лет с момента совершения преступления, выразили свое беспокойство в связи с оправдательным решением, принятым апелляционной палатой. Тяжесть принятия жертвами такого решения заключалась не в оправдании, а в продолжительности процедуры, в результате которой ВИЧ-инфицированные умирали, не узнав истины [15].

Наконец, можно увидеть, что судебные задержки в рассмотрении дела могут серьезно повлиять на права жертв преступлений. Если говорить о МУС, например, то данная ситуация также приводит выживших жертв в полное замешательство в связи с тем, что Суд по прошествии многих лет иногда не может установить истину, то есть выявить реальных исполнителей совершенных преступлений, особенно в Центральноафриканской Республике или Кот-д'Ивуаре. Следует отметить, что если судебное решение об оправдании является обоснованным и не может быть поставлено под сомнение стремлением потерпевших установить виновность обвиняемого, то самой трудной частью дела остается продолжительность времени рассмотрения дела, при этом возможности ссылаться на разумный срок система правосудия не предоставляет.

Заключение

Из вышесказанного следует, что нынешняя эволюция международного права в целом и международного уголовного права, в частности, недостаточно учи-

тывает реальные риски судебных задержек, которые грозят жертвам международных преступлений. Вместе с тем следует признать, что доказанная сложность международных уголовных процессов и большое число потерпевших, допущенных к участию в судебном разбирательстве, могут осложнить любые попытки гарантировать им скорейшую процедуру рассмотрения дела. Однако в случае, если невозможно признать их право требовать от судей радикальных мер, можно было бы предоставить им право ссылаться на разумный срок судебного разбирательства в тех случаях, когда поведение, приписываемое обвиняемому или Прокурору, или даже судебному органу, может отложить рассмотрение дела без учета интереса правосудия. Таким образом, если требования установлены, судья может санкционировать любые затягивающие судебное разбирательство действия сторон или просто отказаться от своих собственных, если это необходимо. Тем не менее для этого следует укрепить право на доступ к правосудию, которое по-прежнему в полной мере зависит от сложной структуры международной системы уголовного правосудия. Создание новых специальных судов для рассмотрения дел, которыми не сможет заниматься МУС, оказывается сложным шагом. В таком случае государство или международное сообщество должны нести ответственность за любую предвзятую задержку рассмотрения дела, вызванную отсутствием адекватного механизма для осуществления этого права сначала на национальном уровне, а затем на международном уровне.

Наконец, право на доступ к правосудию, которое подразумевает оперативное установление истины, должно быть укреплено с самого начала разбирательства. Поэтому стоит задуматься над тем, чтобы прокурор МУС должен учитывать интересы потерпевших и делать выбор в пользу быстрой процедуры, особенно в отношении на стадии предварительного рассмотрения, а также расследования. В этом смысле последствия медлительности или задержек могут больше приносить пользу не только обвиняемым, как это всегда имело место, но и жертвам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская конвенция о правах человека: Пакт Сан-Хосе-де-Коста-Рика Организация Объединенных Наций, Treaty Series, Vol. 1144. I-17955, с. 183.
2. Африканская хартия прав человека и народов, документ ОАЕ. Кабина/Ножка/67/3 оборот. 5, 21 I.L.M. 58 (1982), 27 июня 1981 года, вступил в силу 21 октября 1986 года.
3. Бормотова Л.В., Тарнавский О.А. Сущностная ценность правовых позиций Европейского суда по правам человека о праве на разумный срок уголовного судопроизводства для российского правоприменителя // Право и политика. 2022. № 6. С. 33–44.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года.
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 8 июня 1977 года, United Nations — Treaty Series, vol. 1125, p. 272.

6. Егорова Р.Е., Прокофьева С.М. Разумный срок уголовного судопроизводства и права потерпевшего // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razumnyy-srok-ugolovno-go-sudoproizvodstva-i-prava-poterpevshego> (дата обращения: 28.08.2022).
7. Кебурия К.О., Солнцев М.А. Значение Основных принципов и руководящих положений ООН о праве на защиту и возмещение ущерба 2005 г. Московский журнал международного права. 2021; (2):78–98. С. 86.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод с поправками, внесенными Протоколами No 11 и 14, European Treaty Series No. 5, Рим, 4.XI.1950.
9. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Нью-Йорк, 10 декабря 1984 года, United Nations, Treaty Series, vol. 1465, p. 85.
10. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020.
11. Конституция от 18 февраля 2006 года с поправками, внесенными Законом No 11/002 от 20 января 2011 года о пересмотре некоторых статей Конституции Демократической Республики Конго от 18 февраля 2006 года.
12. Межамериканский суд по правам человека. Решение по делу «Сестры Серрано-Крус с. Сальвадора» от 1 марта 2005 года. S . 66.
13. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Нью-Йорк, 7 марта 1966 года, United Nations, Treaty Series, vol. 660, p. 195.
14. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.: Treaty Series, vol. 999, 1976, 187–301.
15. МУС. Дело Прокурор против Жан-Пьера Бембы Гомбо, Совместные представления законных представителей потерпевших о последствиях решения Апелляционной камеры от 8 июня 2018 года о возмещении ущерба, исс-01/05–01/08–3647, 06 июля 2018 года, S . 19, с. 9.
16. МУС. Канцелярия Прокурора. Аналитический документ по выбору и установлению приоритетов дел, Гаага, сентябрь 2016 г., с. 13.
17. МУС. Канцелярия Прокурора. Аналитический документ по выбору и установлению приоритетов дел, Гаага, сентябрь 2013 г., с. 16.
18. МУС. Палата предварительного производства I, Прокурор с. Лорана Гбагбо, Ответ Общего юридического представителя потерпевших на «Просьбу о разрешении обжаловать «Решение отложить слушание по утверждению обвинений в соответствии со статьей 67–7-с-1 Статута» (ICC-02/11–01/11–432-tFRA) от 3 июня 2013 года», поданную защитой 25 июня 2013 года, No: ICC-02/11–01/11 от 1 июля 2013 года, S . 47.
19. Резолюция 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.
20. Резолюции 60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 года об Основных принципах и руководящих положениях, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международного права прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права.
21. Римский статут принятой Ассамблеей государств-участников 17 июля 1998 года, документ ООН. A/CONF.183/9, 17 июля 1998 года.
22. Статут Временных уголовно-процессуальных правил Восточного Тимора
23. Статут Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии 1993 г.
24. Статут Международного уголовного трибунала по Руанде 1994 г.
25. Статут Специального трибунала по Ираку
26. Статут Специального трибунала по Ливану, 2007 г.
27. Статут Специального суда по Сьерра-Леоне 2002 г.
28. Manon D., “Sélection et hiérarchisation des affaires devant la CPI: les dits et non-dits de la politique pénale du Procureur”, La Revue des droits de l’homme [Online], Actualités Droits-Libertés, Online since 13 June 2016, connection on 27 June 2021. URL: <http://journals.openedition.org/revdh/2105>
29. WEMMERS J-A. Annexe 1. Déclaration des principes fondamentaux de justice relatifs aux victimes de la criminalité et aux victimes d’abus de pouvoir: Adoptée par l’Assemblée générale dans sa résolution 40/34 du 29 novembre 1985 In: Introduction à la victimologie [en ligne]. Montréal: Presses de l’Université de Montréal, 2003 (21 марта 2022 г) .